

УДК 1:316:32
ББК 87.6

КРИТИКА КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МОДЕРНА

Пигалев Сергей Александрович

Аспирант кафедры философии,
Волгоградский государственный университет
serge1403@mail.ru, socphil@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация.

Аннотация. В статье анализируется критика концепций социального развития, которая играет важную роль в современной социальной философии. Демонстрируется, что эта критика направлена не столько против отдельных концепций и моделей развития, сколько против самой идеи развития, которая долгое время выступала в качестве фундамента западной интеллектуальной традиции. Это очевидное недовольство, позволяющее говорить о новом дискурсе «пост-развития», рассматривается в контексте фундаментальных социокультурных противоречий модерна. С опорой на разработки немецкого философа Х. Блюменберга выдвигается гипотеза о том, что центральным мотивом философии модерна является стремление снять противоречие между частью и целым, приводящее к судорожному поиску модели социального единства. Идея развития в связи с этим рассматривается как попытка решить указанные проблемы, которая, по-видимому, не увенчалась успехом. Одной из причин тотальной критики идеи развития, таким образом, является потребность западной интеллектуальной в новой модели единства.

Ключевые слова: конец истории, модерн, номинализм, реализм, свобода и необходимость, социальное развитие, часть и целое.

С тех пор, как американский философ и идеолог Ф. Фукуяма опубликовал свою одноименную работу, посвященную «концу истории», прошло двадцать с лишним лет. Основная ее идея, как известно, заключалась в том, что крах советской системы и торжество либерализма знаменуют собой невозможность продолжения истории [4]. История

при этом понималась как сфера, в которой возникают, взаимодействуют и развиваются так называемые «большие смыслы», то есть макросоциальные проекты, претендующие на регулирование и изменение общества как целого. Сам же либеральный триумф был связан с неотменяемым превосходством либерального проекта над всеми прочими. Ли-

берализм, таким образом, – это своеобразный «последний» проект, самым своим существованием доказывающий бессмысленность любых альтернатив.

Сразу же после выхода статьи рассуждения Фукуямы подверглись немедленной и беспощадной атаке со стороны представителей самых разных течений, от постмодернистов до разного рода консервативных интеллектуалов. Интенсивность этой атаки, впрочем, оказалась прямо пропорциональна скорости, с которой довольно претенциозные тексты Фукуямы оказались забытыми и его критиками, и что более важно, им самим. Изначальный финалистский пафос был сначала смягчен, а затем и вовсе сошел на нет.

Поверхностность и ангажированность текстов Фукуямы не должны, тем не менее, скрывать от нас несколько заслуживающих внимания обстоятельств, делающих эти тексты важным философско-идеологическим событием. Во-первых, «конец истории» по Фукуяме – это не только либеральный, но и гедонистический триумф: «Современный либеральный проект пытается сдвинуть основы человеческого общества от тимоса (*то есть духа – С. П.*) на более безопасную почву желаний» [там же, с. 497]. Разумеется, подобные взгляды исповедовали многие, в том числе задолго до Фукуямы, однако именно он, *не будучи маргиналом*, предложил рассматривать соответствующую социальную ситуацию в качестве желаемой и нормальной.

Во-вторых, не менее важно, что социальное развитие для Фукуямы – это, прежде всего, сфера *смыслов*. Объявляя «конец истории», описывая постисторическое состояние как время тотального социального и экзистенциального покоя и симпатизируя этому состоянию, Фукуяма, тем не менее, признавал, что ему предшествовал период напряженной борьбы больших исторических смыслов. Историю он рассматривал как арену, на которой крупные исторические субъекты предъявляют миру уникальные проекты социальной реальности и делают все, чтобы реализовать их. Конкуренция исторических проектов и является основной движущей силой социальных изменений.

Ирония судьбы заключается в том, что Фукуяма, будучи либералом и испытывая к

любым проявлениям «холизма» известную неприязнь, оказался, тем не менее, одним из последних, кто рассуждал в рамках подобного «проектного» взгляда на мир. Действительно, масштабная антифукуямовская критика сосредоточила свои не усилия не только и не столько на опровержении гипотезы о либеральном триумфе, сколько на деконструкции самой идеи исторических проектов, попутно атакуя идею социального развития как целенаправленного, осмысленного процесса.

Например, в 1994 г. была опубликована статья Кл. Фридриха «О функциях одной мыслительной фигуры». Автор, в числе всего прочего, ставил в упрек Фукуяме приверженность *телеологическому* мышлению, являющемуся важной частью исторического сознания вообще. Задача состоит не в том, чтобы провозглашать ту или иную версию «конца истории», а чтобы «идти в атаку на теологию телеологического и радикально противостоять последнему. Телеологическое понятие политического расчленяет реальность на высший и низший уровни и уполномочивает высший уровень на подавление и «воспитание» низшего» [3].

Телеологическому (читай: проектному) взгляду на социальную реальность противопоставлялся взгляд плюралистический, предлагающий рассматривать ее в качестве поля для игры множества принципиально равноценных «сил», которые «не могут быть «приручены» никакими институтами» [там же]. Последнее на деле означает недопустимость подчинения этих «сил» целям, превосходящим их частный интерес. Развитие при этом отбрасывается ради не имеющей определенной направленности игры упомянутых сил.

Таким образом, основная категория, с опорой на которую осуществляется критика – это «насилие». Принуждающий характер «исторических проектов», с неизбежностью приводящий к «практикам исключения», находит должное внимание в текстах видных представителей постмодернизма: Ж. Деррида, Ж. Делеза и т. д. Первый противопоставляет исторической субъектности размытый «новый интернационал» [2], второй говорит об ускользающих от действия социокультурных интеграторах «новых кочевниках» [1].

Своеобразным промежуточным итогом этой линии становится специфическая работа

«Словарь развития» («The Development Dictionary») под редакцией В. Сакса, посвященная разоблачению идеи развития как инструмента властных стратегий – преимущественно, колониальной политики Запада [8]. «Единая история», имеющая смысл и цель, трактуется здесь как один из конструкторов в рамках проекта модерна, призванный способствовать подавлению самобытности традиционных обществ «Юга». Нетрудно понять, что в результате «большим смыслом» противопоставляется множество не претендующих на универсальность маленьких смыслов, малых нарративов. Идея социального развития при этом уподобляется руинам на интеллектуальном пейзаже Запада: оно более не модно и должно быть забыто.

Таким образом, налицо образование относительно нового интеллектуального течения, в основе которого лежит разоблачение «насильственной» составляющей идеи развития. Об этом, в частности, говорит английский исследователь Т. Парфитт, вводя термин «пост-развитие» (post-development). Дискурс пост-развития предполагает, что развитие (по крайней мере, в классической трактовке) несет вред, и потому должно быть выброшено на свалку истории для того, чтобы открыть путь новым стратегиям освобождения [7].

Следует отметить, что идея социального развития с самого начала своего зарождения в форме новоевропейских теорий прогресса была одной из центральных идей западной социальной мысли. Не секрет также, что предположение о неотменяемом, гарантированном восхождении от менее совершенных форм к более совершенным, которое одновременно является и воплощением человеческой воли, и объективным законом реальности, служило основанием для самых разных политических стратегий. В том числе – для идеи о пресловутом «бремени белых», то есть попытки оправдания колониальной политики ссылкой на священный долг европейского человечества нести свет цивилизации «отсталым» народам. Последнее на деле означало разрушение коллективистских социальных форм с целью высвобождения «невидимой руки рынка».

В этом смысле не так уж удивительно, что идея социального развития, особенно в

форме вульгарного прогрессизма, всегда имела своих врагов в рядах интеллектуальной элиты «Юга». Специфика современной ситуации заключается, на наш взгляд, не в том, что идея развития критикуется (она всегда вызывала недовольство, зачастую оправданное), а в том, что это недовольство во все большей степени захватывает *западную* интеллектуальную сферу. Действительно, даже поверхностный анализ этой сферы позволяет заключить, что сам Запад переживает серьезное разочарование в своей фундаментальной идее.

Конечно, эту странную тенденцию можно объяснить внезапной совестью западных интеллектуалов, извиняющихся таким образом за колониальное прошлое. Представляется, однако, что реальные причины глубже, и кроются они в специфике модерна, который вывел идею социального развития в форме идеи прогресса на первые роли в интеллектуальном театре.

Отличительная черта модерна, на наш взгляд, заключается в том, что это проект существенным образом *противоречивый*. Противоречия составляют суть модерна, и они же являются источником его динамики. Нас, в первую очередь, интересует глубочайшее философское противоречие между свободой и необходимостью, являющееся одним из проявлений противоречия между частью и целым.

Здесь следует отметить, что исследователям модерна хорошо известна его разрушительная природа, ее признают даже яростные его апологеты. Общим местом является, например, утверждение о вирусе (или, наоборот, искре) индивидуализма, который общество модерна внедряет в коллективистские социальные системы, попутно разрушая их ценности, «расколдовывая мир» и т. д.

Хотя это утверждение во многом справедливо, существует иной подход к феномену модерна, который представляется более продуктивным в свете интересующей нас проблематики. Этот подход восходит к немецкому философу Х. Блюменбергу и предполагает, что основные черты и проблемы модерна не столько изобретены им, сколько приняты в наследство от позднего средневековья. Речь, по мнению Блюменберга, идет

об известном конфликте между реализмом и номинализмом, закончившемся, фактически, победой номинализма [5].

Этот конфликт имел отнюдь не только богословский смысл. Реализм, как известно, защищал идею о реальном существовании универсалий (общих понятий), или, другими словами, идею о том, что мир – это порождение и воплощение божественного разума. Человек же, как разумное существо, *созданное по образу божьему*, стоит на вершине этого воплощения, ведомый божественным планом.

Идея Блюменберга заключалась в том, что номинализм, отрицая реальное существование универсалий и утверждая существование лишь единичных вещей, наносил удар и по идее о единой природе творения и Творца. Бог из разумного существа превращался в сокрытого Бога, недоступного разуму и открывающегося лишь в мистическом опыте. Этот номиналистский разрыв, в свою очередь, привел к тому, что мир единичных вещей, фактически, оказался предоставлен самому себе, лишаясь *основания*. Однако, по мнению последователя Блюменберга М. Гиллеспи, номинализм, подорвав схоластическо-реалистический взгляд на природу человека и мира, так и не смог предложить действенной альтернативы [6, с. 16].

Человек, оказавшись лишь единичной вещью среди других единичных вещей, был вынужден самостоятельно раз за разом определять самого себя, выйдя, таким образом, из четко структурированного *пространства* божественного промысла в зыбкую сферу *времени*. Определять самого себя вновь и вновь, изобретать заново – это, по сути, и означает быть современным (modern).

Именно эти процессы дали начало эпохе модерна, именно с этой ситуацией он был вынужден взаимодействовать (попутно усугубляя ее), и именно поэтому основной проблемой новоевропейской социальной философии становится отчаянный поиск *модели единства*, в том числе – социального. Если в модели реализма основой единства как мира, так и общества был Бог, то номиналистическая революция сделала дальнейшее функционирование этой модели невозможным. Социальное стало проблемой, требующей отдель-

ного объяснения. Отсюда – одержимость проблематикой части и целого, свободы и необходимости, выражающаяся, в частности, в передаче «божественных» функций интеграции другим сущностям.

Эти сущности хорошо известны: природа, сам человек, возвышаемый до божества и, не в последнюю очередь – развитие. Действительно, идея социального развития изначально представляла собой попытку соединения человеческой свободы в виде исторического творчества с необходимостью в виде естественных исторических законов, превращающих разрозненность отдельных событий и акторов в общий для всех прогрессивный процесс. Проблема, однако, заключается, в том, что так понятая идея развития, по-видимому, может работать только до тех пор, пока исторический процесс является относительно безболезненным. В условиях же кризисов, на которые богат двадцатый век, европейское стремление «делать историю» стремительно истощается, а историческая необходимость начинает восприниматься в качестве неотвратимого, давящего рока.

В связи с этим можно предположить, что тотальное разочарование западных интеллектуалов в идее развития – причем во всех ее проявлениях – отчасти связано с неспособностью, реальной или мнимой, этой идеи и дальше выступать в качестве механизма обеспечения единства. Конечно, могут быть названы и другие причины, не менее справедливые – например, соединение реального кризиса идеи развития со вполне осознанным желанием капиталистических групп окончательно «доломать» ее как убыточную и лишнюю в условиях глобализации. Это, однако, тема для других исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург : У-Фактория; М. : Астрель, 2010. – 895 с.
2. Деррида, Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / Ж. Деррида. – М. : Logos-altera, издательство «Ессе homo», 2006. – 256 с.
3. Фридрих, Кл. О функциях одной мыслительной фигуры / Кл. Фридрих. – Электрон. тексто-

вые дан. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/vopros/45.html>. – Загл. с экрана.

4. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : Изд-во АСТ : Ермак, 2004. – 588 с.

5. Blumenberg, H. *The Legitimacy of the Modern Age* / H. Blumenberg. – London, 1999. – 677 p.

6. Gillespie, M. *The Theological Origins of Modernity* / M. Gillespie. – Chicago, 2008. – 386 p.

7. Parfitt, T. *The End of Development: Modernity, Post-Modernity and Development* / T. Parfitt. – London., 2002. – 177 p.

8. Sachs, W. *The Development Dictionary* / W. Sachs. – London, 2010. – 332 p.

REFERENCES

1. Delez Zh., Gvattari F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2010. 895 p.

2. Derrida Zh. *Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyy internatsional* [Ghosts of Marx. State of Duty, Work of Sorrow and the New International]. Moscow, “Logos-altera”, “EcceHomo” Publ., 2006. 256 p.

3. Fridrikh Kl. *O funktsiyakh odnoy myslitelnoy figury* [About the Functions of One Cogitative Figure]. Available at: <http://www.philosophy.ru/library/vopros/45.html> (December 17, 2013).

4. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, 2004. 588 p.

5. Blumenberg H. *The Legitimacy of the Modern Age*. London, 1999. 677 p.

6. Gillespie M. *The Theological Origins of Modernity*. Chicago, 2008. 386 p.

7. Parfitt T. *The End of Development: Modernity, Post-Modernity and Development*. London, 2002. 177 p.

8. Sachs W. *The Development Dictionary*. London, 2010. 332 p.

THE CRITIQUE OF SOCIAL DEVELOPMENT CONCEPTIONS AND THE FUNDAMENTAL CONTRADICTIONS OF MODERNITY

Pigalev Sergey Aleksandrovich

Postgraduate Student, Department of Philosophy,
Volograd State University
serge1403@mail.ru, socphil@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the criticism of the conceptions of social development which plays an important role in modern social philosophy. The author demonstrates that this critique is directed not only against specific conceptions or models of development, but also against the very idea of social development which used to be the substantial element of western intellectual tradition. This obvious discontent that gives us an opportunity to speak about new “post-development” discourse, is analyzed within the context of social and cultural contradictions of modernity. The main hypothesis based on the ideas of H. Blumenberg, is that the central motive of modernity is its desire to solve the contradiction between part and whole, and to find the model of social unity. The idea of social development represents an attempt to deal with this task. Finally, it failed. Thus, one of the reasons behind the critique of the social development conceptions is the need of western elite for new model of social unity.

Key words: end of history, modernity, nominalism, realism, freedom and necessity, social development, part and whole.